

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Москва 1995

STUDIA KETICA

LINGUISTICS

EDITED BY S. A. STAROSTIN

КЕТСКИЙ СБОРНИК

ЛИНГВИСТИКА

Издательская фирма
«ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РАН

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

ББК 8С
К37

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту 95-06-31827*

Редактор
С. Старостин

Кетский сборник. – М.: Школа «Языки русской
К37 культуры», Издательская фирма «Восточная лите-
ратура» РАН, 1995. – 320 с.
ISBN 5-88766-023-6
ISBN 5-02-017905-1

Книга представляет собой очередной выпуск из серии 'Кет-ских сборников' (1968, 1969, 1982). В настоящем сборнике представлены чисто лингвистические работы, касающиеся проблем кетской глагольной морфологии, а также генетических связей кетского языка (и других языков енисейской семьи) с северокавказскими и синотибетскими языками. В книге учтены новейшие достижения в области изучения енисейских языков. Книга рассчитана на специалистов в области сравнительного языкознания, а также представляет интерес для лингвистов, занимающихся проблемами типологии.

К 4602020400 049
013(02) 91 Без объявлений

ББК 8С

ISBN 5-88766 023-6
ISBN 5 02-017905-1

© Авторы, 1995.
© Школа «Языки русской культуры»,
Издательская фирма
«Восточная литература» РАН 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. К.Ю.Решетников, Г.С.Старостин
Структура кетской глагольной словоформы..... 7
2. Г.С.Старостин
Морфология коттского глагола
и реконструкция праенисейской глагольной системы - - 122
3. С.А.Старостин
Сравнительный словарь енисейских языков - - - - 176

СТРУКТУРА КЕТСКОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ СЛОВОФОРМЫ

0.0. Введение.

0.1. Основная цель данной работы - построить по мере возможности формализованную модель глагольной словоформы кетского языка, которая, с одной стороны, описывала бы как можно больший объем (в идеале - 100%) имеющегося в наличии материала, с другой стороны, являлась бы относительно простой, оперировала бы не слишком большим количеством неудобоваримых терминов и понятий и, желательного, согласовывалась бы с типологическими данными.

Эта работа является непосредственным продуктом кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г., членами которой, в частности, являлись авторы данной работы. В связи с этим авторы приносят благодарность А. Н. Барулину, И. Б. Иткину и Е. А. Хелимскому за ценные замечания по поводу многих вопросов, затрагиваемых в данной работе. Особую благодарность мы выносим также С. А. Старостину, без консультаций которого написание этой статьи вряд ли было бы возможным.

Мы также благодарим всех тех информантов, которые любезно согласились работать с нами, и особенно М. М. Ирикова, У. П. Котусову и В. А. Тыганову, помощь которых была для нас особенно существенной.

Необходимо также подчеркнуть, что участие одного из авторов в экспедиции было бы невозможным без финансирования Фонда поддержки демократических преобразований в России

0.2. При написании данной работы мы руководствуемся прежде всего следующими материалами.

а) глагольными парадигмами, приведенными в книге Е. А. Крейновича "Глагол кетского языка", сокращенно - ГКЯ.

б) материалом, собранным во время кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г.

Как тот так и другой материал, несомненно, нуждаются в предварительной обработке, касающейся чисто фонетической, транскрипционной стороны дела. Прежде всего до сих пор еще не установлен фонемный инвентарь кетского языка (так, до сих пор неясно, является ли звук ʔ отдельной фонемой или фонетическим вариантом). К этому добавляется проблема диалектной членности кетского (материал в книге Е. А. Крейновича дается в основном на основе суломаиского говора в то время как экспедиционный материал в основном собран в с. Келлог, говор которого довольно сильно отличается от суломаиского в связи с сильными тенденциями к абсолютной редукции безударных слогов сингармонизму, выпадению некоторых согласных звуков в том числе интервокального y и т. д.) Поэтому в

данной работе материал будет подаваться в более или менее нормализованном виде, т. е. в специально выработанной фонологической транскрипции, базирующейся, в основном, на фонетическом инвентаре суломайского говора. О некоторых фонетических особенностях обоих говоров и данной транскрипции см. ниже.

В работе также время от времени привлекаются, в основном в качестве вспомогательных, данные, приводимые А. П. Дульзоном в его исследовании "Кетский язык" (Дульзон 1968). Однако, поскольку качество записей А. П. Дульзона несомненно проигрывает по сравнению с записями Е. А. Крейнвича, они играют лишь второстепенную роль в наших исследованиях.

0.3. В целом нужно отметить, что кетский глагол на сегодняшний день до сих пор не был описан с формальной точки зрения. В основных трудах по этой теме - фундаментальному описанию языка в монографии А. П. Дульзона "Кетский язык" (Дульзон 1968), многочисленных статьях Е. А. Крейнвича (e.g., Крейнвич 1964а, Крейнвич 1964б, Крейнвич 1965) и, наконец, в его основополагающем труде "Глагол кетского языка" (ГКЯ), в котором обобщено содержание предыдущих статей и приведено огромное количество нового материала, а также в работах других исследователей - приводится масса глагольных парадигм; однако вплоть до настоящего времени так и не было создано нормального структурного описания этих парадигм, которое позволило бы обобщить их в единую формальную модель.

Мы можем выделить две основные причины этого факта. Первая заключается в том, что кетский язык обладает достаточно сложной фонологической системой, в которой все еще остается много неясностей, особенно в области вокализма. До сих пор не только не раскрыты многие любопытные фонетические чередования, но даже не установлен окончательно фонемный состав кетского языка. Это, в свою очередь, неизбежно ведет к путанице в записях и очень часто - к неверной оценке материала.

Более подробно о фонетических проблемах мы расскажем ниже.

Вторая причина заключается в том, что, несмотря на стремление А. П. Дульзона и Е. А. Крейнвича к систематизации имеющегося материала, основной характеристикой их работ является тенденция к увеличению количества грамматических характеристик и парадигматических классов глаголов, а не наоборот, что представлялось бы более естественным. В результате система кетского глагола предстает перед глазами лингвиста как своеобразный "языковой монстр", с разветвленной системой личных показателей и глагольных категории, дистрибуция и функционирование которых так и не выяснены. Несмотря на следующее утверждение Е. А. Крейнвича: "Нам важно было найти в том обилии фактов, которые предоставлял нам кетский язык, не хаос, а систему. Думается, что основные линии этой системы

уловлены" (ГКЯ: 280), мы можем решительно заявить, что утверждение это на самом деле далеко от истины. Уже один факт выделения Е. А. Крейновичем тридцати шести подтипов одноосновных глаголов можно расценивать как аргумент в пользу чисто описательного характера ГКЯ и отсутствия хорошо разработанной системы. Даже при более или менее поверхностном анализе можно увидеть, что многие из этих классов либо находятся в дополнительном распределении, либо вообще представляют собой кусок одной и той же парадигмы, по не вполне ясным причинам разбитой на куски и помещенной в разные отделения.

Сказанное выше, но в гораздо большей мере, относится и к книге А. П. Дульзона. Несмотря на колоссальный объем затрагиваемого материала, он, как правило, в лучшем случае практически не структурирован (многие грамматические явления вообще не получили отражения в этом труде), а в худшем случае - структурирован неправильно, иногда с грубейшими нарушениями в употреблении лингвистических терминов (ср., например, следующий пассаж: "Глагол со значением 'вскочить' содержит в своей основе компоненты основы глагола 'идти' (буУати) с включением аффикса 'б', выражающего пассивность действия" (М) (Дульзон 1968: 193). Точно так же в неясном значении употребляются А. П. Дульзоном такие термины, как 'медиум', 'пассив действия', 'пассив состояния').

Таким образом, работы и А. П. Дульзона, и Е. А. Крейновича приходится признать чисто описательными. Это означает, что мы можем пользоваться материалом, приведенным в этих работах, однако доверять грамматической интуиции их авторов можно лишь с известной долей осторожности.

К сожалению, несмотря на довольно большое количество разного рода исследований, посвященных проблеме кетского глагола, опубликованных по большей части в разных выпусках сборников "Языки и топонимия" и "Структура самодийских и енисейских языков" и принадлежащих таким ученым, как Г. К. Вернер, Р. С. Гайер, Г. Т. Поленова, В. Г. Шабает (Вернер 1974, Вернер 1990, Гайер 1980, Поленова 1981, Поленова 1987, Шабает 1985, Шабает 1987 и др.), за редкими исключениями практически не имеется работ, хоть в каком-то конкретном отношении проливающих свет на данную проблему. В этих работах в основном исследуются мелкие, частные проблемы, решения которых иногда страдают интуитивностью, нелогичностью или даже просто игнорируют некоторые языковые факты. До настоящего времени не было опубликовано практически ни одной "целостной" работы, целью которой было бы раскрыть кетский глагол как систему, состоящую из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов. Те или иные гипотезы, высказываемые относительно природы отдельных явлений, остаются абсолютно недоказуемы, если не показать, часть какой системы они образуют и как взаимодействуют с другими.

Из наиболее интересных трудов по кетскому глаголу следует отметить работу Б. А. Успенского (Успенский 1968), в которой автор подходит к проблеме описания кетских глагольных форм с формальной точки зрения и, в частности, предлагает несколько моделей возможных структур словоформы. Однако недостаток места и, возможно, материала не позволили автору до конца раскрыть все особенности кетских глагольных характеристик, не говоря уже о кетской глагольной морфологии.

Некоторые интересные наблюдения содержатся в работах Р. С. Гайер и В. Г. Шабаяева (Гайер 1980, Шабаяев 1985), в первой из которых описывается распределение между претеритными показателями -и -п-, а во второй приводятся довольно точные замечания относительно показателей так называемого ряда ба/бу. Однако все эти работы описывают лишь частные, конкретные, единичные проблемы кетского языка, не сводя их в систему.

Любопытные идеи содержатся в работе Э. И. Белимова "Принципы функционально-ролевого анализа предложений в енисейских языках" (Белимов 1986); работа интересна тем более, что в ней предложен принципиально новый подход к анализу кетского глагола, весьма схожий с подходом, предлагаемым в данной статье. При этом, однако, в работе Э. И. Белимова содержится довольно много огрехов и явно неверных идей. К работе Э. И. Белимова методологически примыкает труд М. Н. Валл и И. А. Канакина (Валл, Канакин 1988), также опирающийся на идеи референциально-ролевой грамматики. Обстоятельная критика концепции Э. И. Белимова была приведена в работах Г. К. Вернера (Вернер 1990: 214-223, Вернер 1994); мы ограничимся лишь несколькими замечаниями в разделе 2.1.

Совсем недавно - в июне 1995 г. - С. С. Буториным была защищена кандидатская диссертация на тему "Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения". К сожалению, поскольку работа над данной статьей была начата авторами еще в середине 1993 г. и в общем была закончена к концу 1994 г., мы не успели ознакомиться с основным текстом диссертации. Судя, однако, по автореферату диссертации С. С. Буторина, любезно предоставленному в наше распоряжение Е. А. Хелимским (Буторина 1995), идеи, содержащиеся в данной диссертации, хотя и выражены в несколько другой форме, но в общих чертах совпадают с основными идеями авторов данной работы. Это тем более приятно, что более или менее детальное совпадение двух независимо возникших концепций подтверждает их достоверность.

04. Еще одна проблема, о которой уже упоминалось выше, - явно неважное качество записи материала, что часто приводит к разного рода неверным гипотезам и в конечном итоге к искажению системы. В этом отношении любопытно оценить работы А. П. Дульзона и Е. А.

Крейновича.

Запись А. П. Дульзона более всего поражает своей бессистемностью. Как известно, А. П. Дульзон работал практически со всеми существовавшими в его время кетскими диалектами. С одной стороны, это является бесспорным преимуществом его работы перед работами прочих исследователей, как правило, занимавшихся отдельными говорами. С другой стороны, на наш взгляд, работа с многими диалектами одновременно подразумевает необходимость их сравнения между собой как в грамматическом, так и в фонетическом отношениях. Между тем, что касается фонетических особенностей кетских диалектов, все они сводятся А. П. Дульзоном к одной странице примеров, иллюстрирующих основные консонантные разногласия между имбатским и сымским (например, соотв. имб. $q =$ сым. x , имб. $l =$ сым. g).

Следствием такого подхода является полная неразбериха при сравнении форм имбатских говоров, которые довольно часто весьма существенно отличаются друг от друга, особенно по вокалическому составу. Ср., например, приводимые А. П. Дульзоном формы глагола "кричать":

Ворогово: $de:ʃ'i$, $de:ʃ'i$, $de:s'i$.

Сургутиха: $de:sij$.

Бакланиха: $de:si$, $de:ssi$.

Курейка: $dees'i$, $de:s'i$ 'я-кричу' (Дульзон 1968: 298).

Как видно, формы варьируют даже не только между говорами, но и внутри одного говора. Установить какие-либо четкие фонетические правила при такой записи не представляется возможным.

В некоторых случаях А. П. Дульзон допускает довольно грубые ошибки при анализе тех или иных звуков кетского языка (некоторые из них упомянуты ниже, экскурс 2).

Качество записи у Е. А. Крейновича, несомненно, лучше. В отличие от А. П. Дульзона, он работал в основном с одним диалектом - суломайским, что и обусловило наличие некоторой системности в транскрипции. Так, консонантный состав кетского языка у Е. А. Крейновича определен почти безупречно.

Основной проблемой является описание системы кетских аллофонов и описание различных фонетических процессов, вызывающих иногда значительные изменения в структуре словоформы. Приведем пример.

Так, парадигма глагола 'обидеться' в записи Е. А. Крейновича выглядит следующим образом (ГКЯ: 123):

кэт-ба-авбан	'я-обижусь'	кэт-ба-оввон	'я-обиделся'
кэт-ку-авбан	'ты-обидишься'	кэт-ку-оввон	'ты-обиделся'
кэт-а-авбан	'он-обидится'	кэт-а-оввон	'он-обиделся'
кэт-к-авбан	'она-обидится'	кэт-к-оввон	'она-обиделась'

Поскольку здесь вычленяются 1-ая основа кэт и 2-ая основа авбан, легко предположить, что элемент между ними является личным показателем (в данном случае группы Б, по Е. А. Крейновичу). Исходя из этого, в личные показатели записывается элемент -к-, которому соответственно придается значение показателя женского класса в третьем лице. Однако в кетском языке, несомненно, нет такого показателя, т. к. во всех остальных случаях мы имеем либо -и- (напр., и-үи-с-сдл 'она-переночует'), либо 0 (напр., ка-с-0-q-ус 'ее-возьмет' в противоположность ка-с-а-й-ус 'его возьмет'). Тем не менее, показатель -к- явно "прижился" в своем новом значении, о чем свидетельствует и статья Г. Т. Поленовой "Вопросы генезиса некоторых формантов кетского глагола" (Поленова 1987), где показатель -к- прямо назван "реликтом классного строя". Однако в экспедиции при опрашивании информантов нами было установлено, что форма кэт-ба-авбан на самом деле произносится кэт-ба-ү-авбан со слабым ү-призвуком в интервокальной позиции (о выпадении ү см. экскурс 1). Следовательно, формант -к- на самом деле является не личным показателем, а детерминативом (по терминологии Е. А. Крейновича); в третьем лице женского класса же мы имеем совершенно законный нуль, образовавшийся вследствие выпадения интервокального і в безударном слогe (см. экскурс 1).

Эти и подобные ошибки в написании довольно часто приводят к подобным результатам. Одной из целей экспедиции было, таким образом, проверить записи, сделанные прежде всего Е. А. Крейновичем, и в случае необходимости нормализовать их в соответствии с новыми требованиями. По ходу дела выяснилось, что данные Е. А. Крейновича довольно хорошо перекодируются на новую систему записи; о некоторых более или менее существенных изменениях будет сказано в экскурсе 2.

Таким образом, хотя и поныне кетская фонологическая система еще пребывает в состоянии разработки, наших знаний уже, в общем, хватает на то, чтобы перейти к описанию кетского глагола с правом судить о тех или иных морфонологических особенностях корней и формантов. Нужно, впрочем, сказать, что большинство чередований довольно просто описываются с помощью чистой фонетики, и вся кетская морфология как таковая состоит из двух-трех морфемных чередований, но не более; так, по-видимому, распределение между личными показателями ряда ди-/ду- и д-/д- (по терминологии Е. А. Крейновича) все же является чисто фонетическим и не имеет прямого отношения к морфемному окружению.

Поскольку мы будем в дальнейшем пользоваться исключительно фонологической транскрипцией, представляется необходимым в начале дать небольшой очерк основных фонетических особенностей келлогского говора, а также трактовки некоторых особенностей записи Е. А. Крейновича (т. е. суломайского говора) Это делается прежде всего для того, чтобы не возникало никаких осложнений при анализе

фонологической записи и сравнении ее с реальными записями (экспедиционными или в ГКЯ). Если считать правила и положения, приводимые в данном описании, элементами фонетического уровня данной модели, то при применении их к соответствующей фонологической записи должна будет выдаваться реальная фонетическая реализация той или иной формы.

0.5. Здесь представляется необходимым сказать несколько слов относительно результатов кетской экспедиции РГГУ летом 1993 г. В результате опрашивания довольно значительного числа информантов нам удалось собрать большое число глагольных парадигм, некоторые из которых довольно существенно повлияли на характер данной работы. Однако по ходу дела нам приходилось сталкиваться с довольно существенными затруднениями, которые, вероятно, могли бы оказаться фатальными, если бы не "Глагол кетского языка" Е. А. Крейновича, который, во-первых, часто добавлял недостающую информацию, во-вторых, иногда даже помогал самим информантам вспомнить те или иные конструкции, практически ими не употреблявшиеся и потому забытые.

Наиболее интересующие нас парадигмы, несомненно, принадлежат глаголам, которые Е. А. Крейнович характеризует как "глаголы с основой в конце слова", т. е. одноосновные. Этот тип, по-видимому, наиболее архаичен и лучше всех остальных отражает актантные отношения. Однако, как было установлено, в живом кетском языке этот тип уже постепенно начинает отмирать. В настоящее время в живом кетском языке существуют два главных продуктивных типа глаголов: глаголы, оканчивающиеся на -bät (корень 'делать'), и на -qibit/ qitpa (некоторая вспомогательная основа, исходно имеющая каузативное значение; в настоящее время она, однако, способна образовывать формально каузативные формы, не противопоставленные формально не каузативным). К этим двум типам относятся, во-первых, все глаголы, когда-либо заимствованные из русского, во-вторых, огромное количество исконно кетских глаголов, некогда одноосновных. Кроме того, есть еще несколько более мелких типов производных глаголов, но все они двуосновные. Следовательно, одноосновные глаголы встречались нам сравнительно редко, а если и встречались, то, как правило, были уже отмечены в ГКЯ и приносили довольно мало пользы.

Еще одно затруднение касается порождения информантами новых глагольных словоформ. Довольно часто мы сталкивались с такой ситуацией, когда информант не может сконструировать даже относительно простую форму, в отличие от самих членов экспедиции, которые успешно моделировали ее по всем правилам. Это заставляет нас задуматься относительно способности кетов к моделированию вообще. Как это ни парадоксально, но иногда создавалось такое впечатление, что информант выдает лишь те формы которые он

когда-либо произносил вслух или слышал при общении, но не те, которые он, хотя и не произносил и не слышал, но мог бы относительно легко смоделировать. Из этого логически вытекает тот факт, что у нынешних кетов отсутствует, так сказать, осознание чисто грамматической стороны языка, конструкции словоформы, значения тех или иных формантов. Как правило, если информант пытается собственными силами объяснить различие между двумя формами, различающимися хотя бы одним или двумя грамматическими элементами, он безнадежно запутывается. Приведем два примера.

Пытаясь получить от информанта словоформу 'я-его-одену', мы получили два различных результата: один - канонический (т. е. приводимый в ГКЯ): d-a-j-š и один нестандартный: di-j-š (различие в том, что в первом слове показатель 3-его л. объекта присоединяется непосредственно к показателю субъекта, а во втором - посредством интерфикса -j-; реально похоже на то, что обе эти формы находятся в отношении свободного варьирования). Пытаясь объяснить разницу, информант заметил, что первый случай значит скорее 'я его обую' (sic!), а второй - 'я его одену'. Однако уже на следующий день, когда мы снова взяли за эти формы, результат был прямо противоположный: 'обую' стало значить di-j-š, а d-a-j-š стало снова означать 'одену'.

При "проверке на детерминативы" было обнаружено две словоформы, отличающиеся лишь превербом: k-a-t-tāš и t-a-t-tāš 'встану'. Объясняя разницу, информант выдал нам два значения: 'встану с пола, с земли' и 'встану с кровати'. Однако, как и в предыдущем случае, значения эти безнадежно путались друг с другом.

Все эти примеры показывают нам, что при выяснении реальных грамматических отношений в кетском глаголе мы должны полагаться прежде всего на собственные наблюдения и в меньшей степени опираться на интуитивное чутье информантов, в некоторых случаях ведущее к искажению материала и выводов из него. Это тем более печально, что подобный метод (относительное доверие к "грамматическому сознанию" информанта) довольно часто используется и помогает в полевой работе.

В свете этого мы вновь возвращаемся к основному труду Е. А. Крейновича (и частично А. П. Дульзона). Несмотря на все недостатки, отмеченные выше, "Глагол кетского языка", тем не менее, до сих пор остается совершенно незаменимым по количеству собранного материала. Количество парадигм, приводимых в нем, вполне достаточно для построения более или менее удовлетворительной точной модели кетского глагола. Это и обуславливает двойственное отношение к "Глаголу кетского языка": с одной стороны, Е. А. Крейновичем была, несомненно, проделана колоссальная работа по сбору материала, значительная часть которого, вероятно, уже никогда больше не будет засвидетельствована от информантов; с другой стороны - попытки систематизировать этот материал так и не привели

к формализации кетского глагола и пониманию его "внутренней сути".

Таким образом, мы оказываемся в том достаточно тяжелом положении, когда описываемый язык уже перестал осознавать себя как живая система, а на предыдущих этапах своего развития не был зафиксирован как живая система. Это значит, что многие из глагольных данных, используемых нами, в принципе не могут быть проверены, т. е. об очень большом количестве зафиксированных форм мы не можем утверждать со стопроцентной вероятностью, что они на самом деле являются словоформами кетского языка. Причины этого ясны: форма, записанная Е. А. Крейновичем, может оказаться полностью или частично ошибочной; форма, выдаваемая информантом, может быть подсознательно контаминированной с какой-либо другой (такие случаи часто встречались при опрашивании, и мы не уверены, что выявили все такие "испорченные" формы); наконец, формы, зафиксированные какими-либо предыдущими исследователями, могут не быть воспроизведенными информантом, что сразу же понижает вероятность их корректности. (Вот, в частности, один пример подсознательного контаминирования: информант Ю. М. Сутлин выдал нам форму *k-a-b-do* 'ты долбишь' вместо требуемого *k-d-a-b-do*, переосмыслив форму первого лица *d-a-b-do* < **d-d-a-b-do* 'я-долблю', на самом деле представляющую собой сочетание корня *do* с превербом *d-*, как сочетание показателя первого лица *d-* с корнем, и по аналогии стал "спрягать" глагол: *d-a-b-do*, *k-a-b-do*, etc. Ср. другой пример подобного переразложения в разделе 3.3.3).

Поэтому в данной работе мы стараемся по большей части приводить формы, засвидетельствованные одновременно в нескольких источниках. Как правило, форма должна быть, во-первых, записана Е. А. Крейновичем, во-вторых, подтверждена информантом; в идеале - она также должна встречаться у А. П. Дульзона. В исключительных случаях привлекается также смысловый материал, собранный Г. К. Вернером (мы пользовались в основном работой Вернер 1980).

К сожалению, однако, этот принцип далеко не всегда срабатывает. Так, большое количество очень интересных парадигм, записанных Е. А. Крейновичем, не было выдано информантами; частично - потому, что их не спрашивали об этих формах (все спросить, естественно, было невозможно), но частично - потому, что они их просто утратили. При этом, однако, на вопрос "существует ли форма X?" они, как правило, отвечали "не знаю" или "не слышал" вместо прямого отрицательного ответа. Это, конечно, ничего не доказывает, но, тем не менее, было решено, что в некотором количестве и эти формы можно привлекать к делу, поскольку в большинстве подобных случаев не доверять Е. А. Крейновичу у нас оснований мало, а вместе с тем многие из этих форм представляют большой интерес в рамках предлагаемой теории.

0.6. Резюмируя вышесказанное, мы можем утверждать, что данная работа призвана решить хотя бы частично изложенные выше проблемы, а именно: установить более или менее точный инвентарь глагольных категорий кетского языка, функции отдельных показателей и формантов, попытаться смоделировать синтез глагольной словоформы и в общем формализовать глагольную систему кетского языка, опираясь на новые открытия в области кетской фонологии, морфонологии и морфологии. Несомненно, вслед за данным изложением последуют некоторые дополнения и модификации; но в целом и в общем можно сказать, что теория, излагаемая авторами данной работы, во-первых, работает на подавляющем большинстве имеющегося материала, во-вторых, не представляет собой явления настолько уникального, что ее вообще можно было бы отбросить как не удовлетворяющую лингвистической типологии, и, в-третьих, является единственной теорией, вообще созданной на материале кетского языка, поскольку других попыток обобщения материала, насколько известно авторам, просто не существует. Таким образом, мы а priori осмеливаемся считать, что данную теорию (во всяком случае, ее основные положения) можно принять в качестве некоторой базы, которую может опровергнуть лишь появление какого-либо принципиально нового материала.

Поскольку работа не представляет собой большой монографии, большинство постулируемых в ней идей будут изложены кратко, на относительно небольшом количестве примеров. Подавляющее большинство приводимых примеров можно найти в ГКЯ.

Экскурс 1

Некоторые фонетические особенности келлогского говора

Здесь мы намерены вкратце описать несколько фонетических явлений кетского языка, наблюдающихся, в частности, в говоре села Келлог, правильная интерпретация которых, несомненно, должна не только отражаться в фонологической транскрипции, но и влиять на поверхностную морфологическую структуру словоформы.

Необходимо отметить, что данный экскурс вовсе не претендует на статус фонологического очерка, вследствие чего мы не приводим здесь ни фонемного инвентаря кетского языка в нашем понимании, ни некоторых базовых фонетических чередований (например, t/d, k/γ, q/ʁ, etc.), описание которых можно найти у многих авторов (см., напр., ГКЯ: 43-45). Несколько слов будет сказано также в экскурсе 2 (транскрипция). Здесь мы намерены отразить лишь некоторые явления, любопытные тем, что практически не описывались ни одним из авторов, так или иначе занимавшихся кетской фонетикой, а в некоторых случаях трактовались сугубо неверно, т. е. либо игнори-